





Когда Мери Леннокс прислали жить к дяде, в Миссельтуэйт-Мэнор, все говорили, что она самый неприятный ребёнок, которого им когда-либо приходилось видеть. Это была правда. У неё было маленькое худое лицо, маленькое худое тело, жидкие светлые волосы и кислое выражение лица. Волосы у неё были белокурые, а лицо жёлтое, потому что она родилась в Индии и вечно хворала то тем, то другим.

Отец её состоял на службе у английского правительства, всегда бывал очень занят и тоже часто хворал, а мать её была красавица, которая любила только бывать в гостях и веселиться в кругу весёлых людей. Ей вовсе не нужен был ребёнок, и, когда родилась Мери, она поручила уход за нею туземной служанке, или айэ, которой дали понять, что если она желает угодить мемиссисаиб*, то ребёнок не должен попадаться ей на глаза.

Мери не помнила, чтобы когда-либо видела близко что-нибудь, кроме смуглого лица своей айэ или других туземных слуг; а так как все они всегда повиновались ей и позволяли ей делать всё по-своему, потому что мемиссисаиб могла бы рассердиться, если бы её обеспокоил крик ребёнка, то шести лет от роду Мери была величайшей эгоисткой и тиранкой.

* Так зовут в Индии белых женщин.

Молодая гувернантка-англичанка, которую взяли, чтобы научить Мери читать и писать, так невзлюбила её, что через три месяца отказалась от места, а когда являлись другие гувернантки, то они уходили ещё через более короткое время, чем первая. И если бы Мери самой не захотелось выучиться читать и писать, то она никогда не имела бы возможности научиться даже азбуке.

В одно страшно жаркое утро — ей тогда было уже около девяти лет — она проснулась особенно злая и разозлилась ещё больше, когда увидела, что служанка, стоявшая возле её постели, была не её айэ.

— Зачем ты пришла? — сказала она чужой женщине. — Я не позволю тебе остаться тут. Пришли мне мою айэ!

У женщины был испуганный вид, и она пробормотала, что айэ не может прийти, а когда Мери пришла в такое неистовство, что стала бить и толкать её, то она только испугалась ещё больше и повторила, что айэ невозможно прийти к мисси саиб.

В это утро в самом воздухе точно носилось что-то таинственное. Ничего не делали обычным порядком, и некоторых из туземных слуг вовсе не было видно, а те, которых Мери видела, двигались торопливо или украдкой, с бледно-серыми испуганными лицами. Но ей никто ничего не говорил, и её айэ всё не являлась.

Утро проходило; скоро она осталась совсем одна и наконец вышла в сад и стала играть тоже одна под деревом, около веранды. Она делала вид, что устраивает цветочную клумбу, и втыкала большие ярко-алые цветы в маленькие кучки земли, всё больше и больше





раздражаясь и бормоча себе под нос всё то, что собиралась сказать саиди, все те бранные слова, которыми собиралась обозвать её, когда она вернётся.

— Свинья! Свинья! Свиное отродье! — говорила она, потому что назвать туземца свиньёй — это самое худшее оскорбление.

Она скрежетала зубами, повторяя эту фразу, когда услышала, что на веранду вышла её мать ещё с кем-то. Это был белокурый молодой человек; и оба они стояли и говорили какими-то странными тихими голосами.

Мери знала белокурого молодого человека, который был похож на мальчика; она слышала, что он был очень молодой офицер, который недавно приехал из Англии.

Девочка глядела на них обоих, но более пристально глядела на свою мать.

Она всегда это делала, когда только представлялся случай видеть её, потому что мемиссисаиб — Мери часто звала её именно так, а не иначе — была такая высокая, стройная, красивая дама и носила такие прелестные наряды. У неё были волосы как волнистый шёлк, красивый маленький нос, презрительно вздёрнутый, и большие смеющиеся глаза. Одежда её всегда была лёгкая, развевающаяся и, как выражалась Мери, «полна кружев».

В это утро на ней было больше кружев, чем всегда, но глаза её не смеялись; они были такие большие и испуганные и умоляюще глядели в лицо молодого белокурого офицера.

— Неужели дело так плохо? Неужели? — услышала Мери её вопрос.

— Ужасно! — дрожащим голосом ответил молодой человек. — Ужасно, миссис Леннокс! Вы должны были уехать в горы две недели назад.

Мемиссисаиб стала ломать руки.

— О, я знаю, что должна была сделать это! — воскликнула она. — Я осталась только для того, чтобы пойти на этот глупый званый обед! Как я была глупа!

В эту минуту из помещения слуг раздался такой громкий вопль, что она ухватилась за руку молодого человека, а Мери задрожала с головы до ног. Вопль становился всё более диким.

— Что это? Что это? — прошептала миссис Леннокс.

— Кто-то умер, — ответил молодой офицер. — Вы не говорили, что болезнь появилась среди ваших слуг!

— Я не знала! — воскликнула мемиссисаиб. — О, пойдёмте со мной, пойдёмте со мной!

И она обернулась и убежала в дом.

После этого наступило нечто ужасающее, и Мери стало ясно, почему это утро было такое таинственное. Появилась холера в самой тяжёлой форме, и люди умирали, как мухи. Айэ заболела ночью, и слуги вопили в своих хижинах, потому что она только что умерла. Ночью умерли ещё трое слуг, а остальные в ужасе бежали. Всюду царил паника, и во всех бунгало были умирающие.

На следующий день, во время тревоги и смятения, Мери спряталась в детской, и все забыли о ней. Никто не думал о ней, никому она не была нужна, и вокруг происходило нечто странное, о чём она не имела понятия. Часы проходили, и Мери попеременно то спала, то плакала. Она знала только, что люди хворали, и слышала таинственные и пугавшие её звуки.

Раз она прокралась в столовую, которая оказалась пустой, хотя на столе стоял недоконченный обед; стулья и тарелки имели такой вид, как будто их поспешно отодвинули в сторону, когда люди по какой-то причине внезапно поднялись из-за стола.

Мери поела фруктов и сухарей и, чувствуя сильную жажду, выпила стоявший на столе стакан воды. Скоро девочку начало

клонить ко сну, и она пошла обратно в детскую и опять заперлась там, испуганная криками, которые неслись из хижин, и звуками торопливых шагов. Еда нагнала на неё такой сон, что глаза её закрылись помимо её воли; она легла на постель и точно потеряла сознание.

Очень многое произошло за те долгие часы, что она спала таким тяжёлым сном, и её не разбудили ни вопли, ни шум в бунгало, где что-то вносили и выносили.



Когда она проснулась, она продолжала лежать неподвижно, пристально глядя на стену. В доме была полнейшая тишина; она не помнила, чтобы когда-либо прежде в нём царило такое безмолвие. Она не слышала ни голосов, ни шагов и думала о том, все ли уже выздоровели от холеры и прошла ли беда.

Думала она и о том, кто теперь будет ухаживать за нею, ведь её айэ умерла! Вероятно, будет новая айэ, и она, быть может, будет рассказывать новые сказки; старые сказки уже достаточно надоели Мери.

Она не плакала о том, что умерла её нянька. Она не была любящим ребёнком и никогда ни к кому не была особенно привязана.

Шум, беготня, вопли по умершим от холеры — всё это испугало её, и, кроме того, она была очень сердита, потому что никто не вспомнил, что она была жива. Все так обезумели от ужаса, что никто не думал о девочке, которую никто не любил.

Когда люди заболели холерой, они, казалось, не могли думать ни о ком, кроме себя самих. Но если все опять выздоровели, то, конечно, кто-нибудь должен был вспомнить о ней и отыскать её.



Но никто не приходил, и она всё лежала и ждала, и в доме, казалось, становилось всё тише и тише. Она услышала какой-то шорох на циновке, и когда взглянула на пол, то увидела маленькую змейку, скользившую по полу и глядевшую на неё похожими на драгоценные камни глазами.

Мери не испугалась: это было безвредное маленькое существо, которое ничего не могло ей сделать. Змейка, казалось, торопилась выбраться из комнаты, и Мери видела, как она скользнула под дверь.

— Как странно и тихо! — сказала Мери. — Как будто в доме никого нет, кроме меня да змейки.

Почти в ту же минуту она услышала шаги в саду, а потом на веранде. Это были мужские шаги: мужчины вошли в дом и о чём-то тихо заговорили. Никто не вышел им навстречу, никто не заговорил с ними; они, казалось, открывали двери и заглядывали в комнаты.

— Какое опустошение! — сказал один голос. — И эта красивая женщина... да и ребёнок, я думаю, тоже! Я слышал, что был ребёнок, хотя его никто никогда не видел.

Когда они несколько минут спустя открыли дверь, Мери стояла среди детской, некрасивая и злая, нахмутив брови, потому что была голодна и чувствовала себя как-то позорно заброшенной.

Первый человек, вошедший в комнату, был высокий офицер, которого Мери однажды видела у своего отца. У него был усталый и озабоченный вид, но когда он увидел её, он был так поражён, что чуть не отскочил назад.

— Барней! — крикнул он. — Здесь ребёнок! Ребёнок, один! В таком месте! Боже мой, да кто она такая?

— Я Мери Леннокс, — чопорно сказала девочка, выпрямляясь во весь рост. Человек этот показался ей очень грубым, потому что назвал дом её отца «таким местом». — Я уснула, когда все были больны холерой, и только что проснулась. Отчего никто не приходит?

— Это тот ребёнок, которого никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обращаясь к своему спутнику. — О ней на самом деле все забыли!

— Почему обо мне забыли? — сказала Мери, топая ногой. — Почему никто не приходит?

Молодой человек, которого звали Барней, грустно посмотрел на неё. Мери даже показалось, что он мигнул глазами, точно смахивая слезу.

— Бедная крошка! — сказал он. — Некому прийти: никого не осталось.

Таким странным и неожиданным образом Мери узнала, что у неё не осталось ни отца, ни матери, что они умерли и были увезены ночью и что те туземные слуги, которые остались в живых, поспешно покинули дом и никто из них даже не вспомнил, что у них была мисси саиб. Поэтому-то в доме было так тихо; в нём действительно никого больше не было, кроме самой Мери да маленькой змейки.





ГЛАВА II

*М*ери любила издали глядеть на свою мать и считала её очень красивой; но так как она очень мало знала её, то едва ли можно было ожидать, что она будет тосковать по ней, когда её не станет.

Она ничуть не тосковала по ней, и так как всегда была углублена в самоё себя, то её помыслы и теперь, как обыкновенно, были сосредоточены на себе самой. Будь она старше, она бы, вероятно, очень беспокоилась при мысли, что осталась совсем одна на свете, но она ещё была очень мала, и так как о ней всегда заботились, то она предполагала, что это всегда будет так.

Думала она только о том, попадёт ли она к хорошим людям, которые будут с ней обращаться вежливо и во всём уступать ей, как это делала её айэ и другие туземные служанки.

Мери знала, что не останется навсегда в доме английского священника, куда её взяли в первое время. Ей не хотелось оставаться там. Английский священник был беден, и у него было пятеро детей, чуть ли не однолеток, которые ходили в лохмотьях, всегда ссорились и таскали игрушки друг у друга. Мери ненавидела их неопрятный дом и так дурно обращалась с ними, что через два дня никто не хотел играть с нею.

— Тебя отошлют домой через неделю, — сказал ей однажды Базиль, мальчик пастора, с дерзкими голубыми глазами и вздёрнутым носом, которого Мери ненавидела. — Мы все очень рады этому.

— И я тоже рада, — ответила Мери. — А где это такое «дома»?

— Она не знает, где это? — презрительно сказал семилетний Базиль. — Это, конечно, Англия. Наша бабушка живёт там, и в прошлом году туда послали сестру Мабель. А ты поедешь не к бабушке: у тебя её нет. Ты поедешь к своему дяде: его зовут мистер Арчибальд Крэвен.

— Я никогда про него не слыхала, — огрызнулась Мери.

— Я знаю, что не слыхала, — ответил Базиль, — ты ничего не знаешь. Девочки обыкновенно ничего не знают. Я слышал, как папа и мама говорили про него. Он живёт в громадном заброшенном старом доме в деревне, и никто к нему не ходит. Он такой сердитый, что никого к себе не пускает, а если бы и пустил, то никто бы не пришёл. Он горбун и страшный-страшный.

— Я тебе не верю, — сказала Мери, отвернувшись от него и затыкая уши пальцами, потому что не хотела больше слушать.

Но она всё-таки очень много думала об этом; а когда миссис Кроуфорд в тот же вечер сказала ей, что через несколько дней она поедет в Англию к своему дяде, мистеру Крэвену, который жил в Миссельтуэйт-Мэноре, у неё был такой упрямо-равнодушный, точно окаменелый вид, что они не знали, что о ней подумать. Они пытались приласкать её, но она отвернулась, когда миссис Кроуфорд хотела поцеловать её, и чопорно выпрямилась, когда мистер Кроуфорд потрепал её по плечу.

— Она такой некрасивый ребёнок, — сказала после этого миссис Кроуфорд тоном сожаления. — А мать её была так красива! И манеры у неё были такие милые, а Мери самый неприятный ребёнок, которого я когда-либо видела.

— Быть может, если бы её мать почаще появлялась в детской со своим красивым лицом и милыми манерами, Мери тоже могла бы перенять эти манеры. Грустно вспомнить теперь, когда бедная



красавица уже умерла, что очень многие вовсе не знали, что у неё был ребёнок!

— Она, кажется, никогда не взглянула на неё, — вздохнула миссис Кроуфорд. — Когда её айэ умерла, никто и не вспомнил о крошке. Подумай только: все слуги разбежались и оставили её одну в пустом доме. Полковник Мак-Грю говорил мне, что был поражён, когда отворил дверь и увидел её совершенно одну посреди комнаты.

Во время долгого переезда в Англию Мери находилась под присмотром жены одного офицера, которая везла туда своих детей, чтобы поместить их в пансион. Она была очень занята собственными детьми и была очень рада, когда сдала Мери женщине, которую мистер Крэвен выслал в Лондон встретить её.

Женщина эта была экономкой в Миссельтуэйт-Мэноре, и звали её миссис Медлок. Она была очень полная, с румяными щеками и зоркими чёрными глазами. Она очень не понравилась Мери; но так как Мери очень редко кто-либо нравился, то в этом не было ничего удивительного; кроме того, было очевидно, что миссис Медлок тоже была невысокого мнения о девочке.

— Экая она некрасивая! — сказала она. — А мы ведь слышали, что её мать была красавица. Она, как видно, красоты-то ей в наследство не оставила, не так ли?

— Она, быть может, переменится, когда подрастёт, — добродушно сказала жена офицера. — Если бы она не была такая жёлтая и выражение лица её было бы поласковей. А черты лица у неё хорошие. Дети ведь так меняются!

— Ей придётся измениться во многом, — ответила миссис Медлок. — А в Миссельтуэйте нет ничего такого, что могло бы изменить ребёнка к лучшему, если вы спросите меня!

Обе они думали, что Мери не слушает, потому что она стояла несколько поодаль, у окна отеля, где они остановились. Она смотрела на прохожих, на проезжавшие омнибусы и кэбы, но слышала весь разговор; в ней проснулось любопытство по отношению к дяде и его жилищу. Что это был за дом и на что он был похож? Что такое горбун? Она никогда не видала горбуна; быть может, их в Индии вовсе не было.

С тех пор как она стала жить в чужих домах и у неё не было айэ, она стала чувствовать себя одинокой, и в голову ей приходили странные, совершенно новые для неё мысли.

Она думала о том, почему это она всегда была «ничья», даже когда отец и мать её были живы. Другие дети «принадлежали» своим отцам и матерям, она же, казалось, была всем чужая. У неё были слуги, были пища и одежда, но никому не было до неё дела. Она не знала, что причиной этого было то, что она была очень неприятный



ребёнок; само собой разумеется, что она не знала, какая она неприятная. Она часто находила, что другие люди очень неприятны, но не подозревала, что она сама такова.

Она считала миссис Медлок самой неприятной особой, которую когда-либо видела, с её грубым румяным лицом и безвкусной вычурной шляпой. На следующий день, когда они уезжали в Йоркшир, Мери шла по платформе к вагону с высоко поднятой головой, стараясь держаться как можно дальше от неё, как будто совсем не «принадлежала» ей. Она бы очень рассердилась, если бы знала, что люди могут принять её за дочь миссис Медлок.

Но миссис Медлок очень мало обращала внимания на самоё Мери и на то, что она думала. Ей вовсе не хотелось ехать в Лондон, как раз когда была свадьба её племянницы, но у неё было удобное, выгодное место экономки в Миссельтуэйт-Мэноре, и удержать это место за собой она могла, только делая то, что мистер Крэвен приказывал. Она не смела даже задавать вопросов.

— Капитан Леннокс и его жена умерли от холеры, — сказал ей мистер Крэвен своим холодным лаконическим тоном. — Капитан Леннокс был брат моей жены, и я опекун его дочери. Девочку привезут сюда. Вы должны поехать в Лондон и сами привезти её.

И она уложила свой небольшой чемодан и отправилась в путь.

Мери сидела в углу вагона некрасивая, с капризным выражением лица. Ей нечего было читать, не на что было смотреть, и она сидела, сложив на коленях свои маленькие руки в чёрных перчатках. Благодаря её черному платью она казалась ещё желтее, чем всегда, и её редкие светлые волосы торчали из-под чёрной креповой шляпки.

«Никогда в жизни не видывала ребёнка с таким капризным видом», — подумала миссис Медлок. Она никогда не видела ребёнка, который сидел бы так неподвижно, ничего не делая. Наконец ей надоело смотреть на Мери, и она заговорила быстро и резко.